
НОВЫЕ ГЕРОИ

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

НЕВЕСТА ИЗ НИОТКУДА

**МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П62

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления художника *А. Матвеева*
В оформлении переплета использована
работа художника *Е. Деко*

Посняков, Андрей Анатольевич.

П62 Невеста из ниоткуда / Андрей Посняков. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-699-84765-5

Женька Летякина — студентка, спортсменка, красавица... и просто девушка решительная. Поэтому, когда пришлось спасаться бегством от злоумышленников, она, недолго думая, прочитала заклинание «на отворение Врат», которому ее научила бабушка-колдунья, и оказалась... в 964 году от Рождества Христова. Как раз в это время верховный правитель племени весь Миронег отправил в Киев свою дочь Малинду — замуж за князя Святослава. Отправить-то отправил, вот только не уберегли невесту княжьи люди, спинула девица, утонула... А тут им, как снег на голову, Женька. Пришлось воеводе Довмыслу срочно рядить бывшую студентку в княжью невесту. Правда, «невестушка» оказалась строптивая да еще колдовским даром не обижена. Попробуй управься с такой...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84765-5

© Посняков А., 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Начало мая. Крутогорский район.

Погоня

Затаив дыхание, Женька закусил губы, стараясь не выдать себя ни единым шорохом, ни даже вздохом. Снаружи у избы кто-то ходил. Поди, искали уже... с-сволочи! Могут и по избам пошарить... если не в лом.

Девушка осторожно выглянула в окошко... Трое! Те самые парни, что следили за нею в лесу. За нею и ее сотоварищами, Колькой и Гришкой Сумой. Теперь-то ясно — никакие это не туристы, не рыбаки — охранники, а вернее сказать — бандиты. На хозяина здешних делянок работали, лес охраняли. Чтоб вор у вора дубинку не украл! В смысле — чтоб ни один чужой лесовоз сюда ни въехал, ни выехал. А Женька и не собиралась на лесовозе чужой лес красть. Просто придумала, как в старые, советские еще времена — по реке, по большой воде, сплавить. Как раз к пилораме-то бревна и приплыли бы — красота! Никакого лесовоза не надо, и...

Чу! Вот снова шаги, голоса... Ага — к околице подались, вражины... Кажись, ушли... Теперь немножко выждать да поискать парней, одноклассников, кои как раз для дела и приглашены были... Трак-

торист, вальщик — не самой же Женьке тяжелой мужской работой заниматься. Хотя и первый разряд по туризму, а все ж — не девичье это дело, деревья валить, да и лесосплав — не девичье.

Колька Смирнов по кличке Смирненький ей и раньше нравился, в школе еще. После девятого он в ПТУ ушел, как раз на тракториста, водителя... Подбить его на авантюру удалось довольно легко: лес решили взять в заброшенной деревне, где когда-то давно жила ее, Женькина, бабушка. Напилить да подтащить к плесу — трелевочник в деревне, насколько помнила девчонка, имелся, пусть старый, но на ходу, осталось только залить солярку и бензина — для пускача.

Сказано — сделано! Женька всегда была девушкой решительной во всех отношениях: и с парнями, и просто — по жизни. Даже, пожалуй, решительной слишком... может, от того и все ее несчастья и беды? К примеру, сегодня вот.

Эх, Тяка, Тяка... Тяка — это от фамилии — Лентякина — так ее свои — и не только свои — звали, Женька не обижалась.

Тьфу ты! Ныть-то зачем — вроде бы обошлось все...

Проводив глазами чужих парней, уходивших к лесу, девушка невзначай глянула в криво висевшее на стене старое зеркало в черной раме, затянутое паутиной, с трещиной. Глянула и неожиданно для себя улыбнулась. Из зеркала смотрела на нее красивая и юная синеглазая нимфа.

Девушка потянулась, провела ладонями по бокам... А ведь не уродина, слава богу! И фигуркою удалась — стройненькая, не какая-нибудь там коровица, и лицо... да все к месту, разве что грудь маловата... так далеко не все мужики от арбузищ силиконовых млеют. Грудь — да... Зато все остальное. Локоны темные, ресницы пышные, синие глаза. А если еще и вот этак, чуть исподлобья, взглянуть — да кто ж устоит-то? Даже вот тот... Одноногий Майк. Нет — просто Михаил, Миша. А что? Красота — страшная сила.

Бросив Колькину машину, до нужного места добрались довольно быстро — на байдарках. Деревня называлась Выдь-озеро, как и одноименный водоем, неширокий, но вытянутый в длину километров на пять, не меньше, из которого и вытекала бурая речка Выдь. С полдесятки заброшенных, полуразвалившихся изб, да две сожженных — и кому только нужно было их жечь? Верно, по пьяни, не иначе.

Тяка прищурила глаза: на самой круче, у леса, высилась знакомая с детства изба — бабушкина. Покосившаяся от времени, но вполне еще крепкая, с невысоким крыльцом и крытой серебристою дранкою крышей. Там, если что, и заночевать можно было.

Взобравшись на крыльцо, Женька с волнением толкнула дверь и, быстро миновав сени, оказалась в избе — печь с чугунками и прислоненным ухватом, пыльные домотканые половики, стол, самодельный комод с остатками посуды. Девушка, честно говоря, утомилась, хоть и шла-то с неболь-

шим грузом. Парни тащили пилы и канистры, она же — продукты да водку, не так и много набралось, чай, не зимовать собрались. И все же к концу пути лямки-то плечи натерли.

Оставив рюкзаки в избе, пошли на околицу, мимо колодца с давно упавшим «журавлем», мимо ржавевшей рядом бороны и какой-то сеялки-веялки. Там же, за кустами, стоял и трелевочник, старенький ТДТ-55, рядом с которым на глинистой вязкой почве виднелись чьи-то следы, огромные и, такое впечатление, босые, что ли...

Колька со смехом забрался в кабину, потом вылез, полазал вокруг, поглядел... и со скорбным вздохом развел руками:

— А пускача-то и нет! Видать, сперли.

— Как нет? — захлопала глазами Женька. — Был же! При мне ж этот трелевочник ездил, лет пять назад... нет, семь...

— Семь, блин! — Сума тихо выругался. — Так, блин, и знал, что зря сюда тащимся. Главное, пилы еще тащили, солярку... вот дураки-то! Вот и следы...

— Это медведь ходил, — поежилась Тяка. Господи... медведя еще не хватало!

— Да при чем тут медведь? Мы из-за тебя...

— Тихо, тихо! — прикрикнув на своего друга, Смирненький задумчиво посмотрел на девчонку. — А где река-то? Покажи. Ее-то, наверное, не сперли.

Реку не сперли, как текла себе, так и текла — бурная, дикая, с синей и холодной даже на вид, с закрутками грязновато-белой пены водою.

— Вот река, — стоя на крутом берегу, тихо промолвила Женька. — А вон — лес.

— Лес... — Колька вдруг рассмеялся, весело и громко. — Эй! А зачем нам трелевочник-то? Вон сосны-то, на самой круче растут — знай, пили да вали в воду. А, Сума?

— Хороший лес, — улыбнулся качок, со знанием дела осматривая высоченные сосны. — Сортимент! Река рядом — скинем! Если что, слегами скатим, недалеко тут. Эх, Тяка, зря мы солярку тащили! Ну, что, Колька? Попилим уже? Что-то сегодня, что-то завтра — чего зря-то сидеть?

— Верно говорит! — Смирненький взял девочку за руку. — Ну, че ты, Женька? Видишь, как хорошо все, удачно.

— А точно получится? — недоверчиво спросила Летякина.

— Точно! Уж ты нам поверь — теперь мы ко-мандиры.

Поплевав на руки, парни принялись за работу сноровисто и быстро, часа за три скинув в реку примерно с пол-«Урала». Женька только диву давалась, насколько умело действовали ребята, как подходили к дереву, ловко делали запил, пилили, укладывали над самою кручей и, опилив сучья, сталкивали стволы вниз, в реку.

Только брызги летели по сторонам разноцветною радугой! Ловки и проворны были парни в своем труде, и от этого так красивы, что Тяка невольно залюбовалась обоими — как спорилось в умелых руках столь непростое и тяжелое дело.

Еще один ствол покатился в реку... поплыл... И снова застрекотали пилы.

Вообще-то, если по уму, не наспех — плоты б сколотить, скрепить спиленные лесины скобами. Да вот некогда нынче, Женька надеялась, что и так никуда бревна не денутся, течением к плесу прибьет.

Трудились так увлеченно, что не заметили, как на излучине реки показалась легкая казанка с мотором. Сидевший на корме рулевой — седоватый дядька в ватнике и надвинутой на глаза кепке — повернул моторку к берегу и, заглушив двигатель, настороженно поднял руку:

— О! Слышите? Я ж говорю — пилят.

Четверо угрюмых парней, сидевших в лодке, разом кивнули.

Осторожно на веслах парни подгрести к берегу да, высадившись в камышах, привязали в ивняке казанку. Поднявшись на кручу первым, седой достал из котомки бинокль.

— Ну, что там, Петрович? — нетерпеливо спросил один из парней. — Много их?

— Пока только двоих вижу... пильщики, твою мать. — Седой плавно поводил биноклем и хмыкнул. — Ого! И девка какая-то с ними.

— Что за девка, Петрович? Хоть симпатичная?

— Натe, глядите. Да не на девку — других высматривайте. Что-то не верится, что всего трое их.

На «девку» парни откровенно облизывались, то и дело поглядывая на Петровича. А тот молчал, думал...

С «ворюгами» решили разобраться по-свойски, в полицию ни о чем не сообщать. Как следует отдубасить, да в землю. Мало ли народу в тайге пропадало? Что ж касается девки, то с ней сначала — ясно что...

Улетело в воду очередное дерево. Пильщики уселись на другой ствол, вытерли пот. Колька достал сигареты.

— Угостишь? — присела рядом Тяка. — А то мои отсырели.

— Портсигар надо иметь. — Смирненький вальяжно щелкнул крышкой. — Тогда ничего сыреть не будет. Курите, мадмазель, угощайтесь.

— Там, в ельнике, голоса, — выпустив дым, негромко сообщила Женька. — И что-то сверкало, думаю — бинокль. Нет, нет! Не смотрите... делайте вид, будто ничего не произошло.

— Слышь, Тяка, а тебе не показалось, а?

— Не показалось! Что я, дура, что ли, или глухая? Не верите, так сами потом проверьте... А пока — уходим. Пилы лучше не брать — чтоб видны были, чтоб думали, что придем...

Сума при этих словах дернулся:

— Чтоб я пилу каким-то уродам оставил? Да ни в жисть!

— Тихо ты! — почесав небритый подбородок, сверкнул глазами Колька. — Женька права. Если за нами следят — с пилами не уйдем, точно.

Сумкин умоляюще сложил руки:

— Так хоть припрячем, а потом, недельки через две, вернемся и заберем. Ну, жалко же!

Не забрали! Не вышло ничего. Не удалось — на-
рвались!

Тяка едва не споткнулась, огибая болото, — никто за ней еще вот так, всерьез, не гнался, не загона-
няли, словно боровую дичь, не орали — слева за-
ходи, слева! Парней своих она потеряла из виду
почти сразу да нарочно за ними не побежала —
лучше уж так, врассыпную, а уж потом встретиться
на мысу, как условились. Лишь бы не поймали сей-
час. Убежать бы... До леса добраться, а там... Темне-
ет уже — век не сыщут, собак-то у них — нету!

Свернув с рыбацкой тропы, Женька нырнула в
ельник, но ходу почти не сбавила, бежала умело,
все ж таки — ориентировщица, спортсменка, опыт
имелся. Преследователи быстро отстали — крики
слышались куда как левей, за оврагом. Правда, и
девчонка бежать уже не могла — хоть небо над го-
ловой еще алело вечерней зарею, однако в лесу-то
уже стало темно, того и гляди переломаешь ноги.

Ничего! Зачем куда-то бежать, коли и здесь не
сыщут? Пересидеть, лапником укрыться, а потом,
как успокоятся все, — к мысу. Лишь бы парней не
взяли! Черт, надо было с ними бежать, посмотре-
ла бы, посоветовала б чего. Сидели б сейчас здесь
вместе, над незадачливой погоней смеялись бы. Э,
да что уж теперь говорить! Ребятки-то ломанулись,
как лоси, позабыли и про Женьку совсем. Даже
Колька — забыл... а ведь ночью... Да все они, мужи-
ки, такие! И все же, все же...

Девчонка неожиданно для себя улыбнулась,
вспомнив, как читала над водкой заклятье — «дабы
не понести». Да она из той тетрадки все бабушки-
ны заговоры-наговоры наизусть выучила уже... не

специально, нет, так как-то само собой вышло, память-то отличная, все ж — иняз!

А заклятье было интересное... и не одно...

От покойной бабушки своей, Лукерьи Яковлевны, или, по-деревенски — бабы Лукерьи, досталось Женьке небольшое, но довольно оригинальное наследство. Баба Лукерья в бытность свою считалась среди деревенских... не то чтобы колдуньей, но одной из тех, кого городские жители опасливо называют «бабки», вкладывая в это словно особый первобытно-сакральный смысл. Не чистые ведьмы, но что-то вроде — заговоры-наговоры знают, и все такое. Вот и Женькина бабуся — царствие ей небесное! — знала. Мало того, незадолго до смерти дочке своей — для внучки единственной — передала, аккуратно записав все заклятья — немного их и было-то — в тоненькую ученическую тетрадь в косую клетку. Кстати, одно из заклятий — «во языцех ведати» — Женька наизусть выучила и перед каждым экзаменом повторяла... кто знает, может, от того-то и языки ей так легко давались?

Остальные бабусины наговоры-заговоры — какие-то непонятные «на росную бутульму», «на пятницу» и «на отворение врат» — оказались, в общем-то, бесполезными. Все. Кроме одного — «дабы не понести».

Женька все ж не зря умной в школе считалась, хоть особенно-то свой ум и не выказывала, стеснялась малость, но тут-то смекнула сразу — «дабы не понести» — «чтобы не забеременеть» означало!

Конечно, особенно-то верить заклятью этому девушка опасалась, хотя перед тем, как с кем-

нибудь того — а дело-то молодое, чего уж! — его и бормотала, но и от противозачаточных средств не отказывалась — вдруг, да что? Ну, пока бог миловал — не залетела, «не понесла»... да в последнее время и не от кого было — с дружкой прежним поссорились-расстались, а нового бойфренда что-то не появилось пока. Появится, будет ежели что-то серьезное — тогда и можно зачатые опробовать, а пока...

А пока бежать надо, блин! Уносить ноги, а не о зачатках думать. И к чему б они вдруг вспомнились-то? От страха, наверное.

Опа! Что-то такое тут стало не так... Услышав не-далеке, у оврага, грозное глухое ворчание, Женька остро почувствовала опасность, тут же вспомнив про свежие следы у трелевочника.

Медведь!!!

Только что очнувшийся после зимней спячки, выбравшийся из берлоги, голодный, злой. Да-а... этот хитрый, коварный и чрезвычайно опасный зверь не имел ничего общего с добродушными топтыгиными, «мишками» из милых детских сказок. Безжалостный кровожадный хищник, зверь-убийца, при нужде не брезгующий питаться и своими сородичами.

Вот снова зарычал — видать, недоволен чем-то. Обычно он ломает человеку шею, затем сразу не жрет, заваливает труп ветками — чтоб подгнил малость. Гурман — мясо с душком любит. Самое страшное, что спастись-то от этого жуткого монстра в лесу нельзя — он и по деревьям лазить умеет, и бежит километров сорок в час, как колесный

трактор. Единственное, что можно, — напугать. Ежели лицом клицу столкнуться — в ладоши хлопнуть, заорать что есть мочи. Тогда, может, испугается, уйдет... но это — на крайний случай. Может ведь и не испугаться, смотря какой по характеру попадется, медведи ведь, как люди, — разные.

Снова слышалось урчание, как показалось Женьке — уже гораздо ближе. А вот погони что-то было не слышно, то ли подались совсем в другую сторону, то ли вообще свернули все, услышав медведя. Плохо! Становиться чьей-то добычей девчонке вовсе не улыбалось, а к тому, похоже, все и шло, тут Тяка — человек, в общем-то, деревенский — особых иллюзий не питала, много чего слыхала от бывалых охотников, да и друзья-туристы рассказывали.

Укрыться от лесного зверя можно было только в одном месте — в деревне, в какой-нибудь более-менее целой избе, желательно с крепким засовом. Такой, как у бабушки... туда и идти, немедленно, как можно скорее!

Так Женька решила, так сделала — пошла, холодея от ужаса. Все казалось, будто ужасный зверь-людоед, прикормленный человеческим мясом, неслышно ступая когтистыми лапами, преследует ее по пятам, вот-вот догонит, набросится... Впрочем, нет, не набросится, чего ему набрасываться-то, чай, не волк! Просто нагонит, ударит лапой... и все.

— Господи, пронеси... Пронеси, Боже!

Не особенно-то и верила в Господа Женька... нет, верила, конечно, но воцерквленным человеком напрочь не была, все ее отношения с Богом, как и у подавляющего большинства россиян, сво-